

© В. Д. Черняк, М. А. Черняк

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.11)

УДК 81'42+82-3

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРЯ И ЖАНРОВЫЕ ПОИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В. Д. Черняк, М. А. Черняк (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматриваются свойства словаря и других изданий словарного типа, актуальные для обыденного сознания и востребованные современной литературой. Словарь и его жанровые вариации (энциклопедия, справочник, лексикон) оказываются средоточием смыслов и толчком для творческой деятельности человека. Алфавитный порядок как важнейший признак словарной формы используется современными авторами при создании произведений новых жанров. Произведения, эксплуатирующие словарную форму, характеризуются подчеркнутой гипертекстовостью, соответствующей особенностям мышления современного человека и отвечающей читательским ожиданиям. Словарь может рассматриваться как жанровая матрица, для которой характерны организованность, динамичность, устойчивость, и как каркас, оставляющий пространство для творчества. В статье рассматриваются произведения новейшей русской литературы (роман, сборник эссе, беллетризованная энциклопедия), использующие словарную форму. Чаще всего они относятся к литературе нон-фикшн, демонстрируют смешение жанров, игровые стратегии, подчеркнутую филологичность, разнообразные формы языковой рефлексии, нередко адресованы детям.

Ключевые слова: современная литература, детская литература, словарь, словарная форма, алфавитный порядок, гипертекстовость, жанр, нон-фикшн.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей») и № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»).

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vdcher@yandex.ru

Черняк Мария Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ma-cher@yandex.ru

На протяжении многих столетий словарь занимал особое место в интеллектуальной деятельности человека, представляя в конденсированном виде ее результаты. «Апелляция к словарю выступает как обращение к последней инстанции для вынесения того или иного суждения, и не только о языке» [5, с. 5]. Словарь и его жанровые вариации (энциклопедия, справочник, глоссарий, лексикон) оказываются не просто средоточием смыслов, но и определенным толчком для творческой деятельности человека.

Издавна словарная форма (в ее традиционном варианте, предполагающем прежде всего алфавитный порядок) использовалась не только для упорядочения и семантизации лексики, но и как способ самовыражения автора. Достаточно вспомнить первый отечественный словарь синонимов – «Опыт русского словника» Д. И. Фонвизина, в котором автор, демонстрируя различия между «сословами», во многих случаях весьма четко определял свою гражданскую позицию.

Структура словаря дает возможность пользоваться каждым его фрагментом как элементом системы, а представление той или иной понятийной области в словаре является значимым фактором ее становления и теоретического осмысления. Жесткая структура словарной формы органично сочетается с возможностью свободного перемещения внутри словаря. Эти свойства определяют особую привлекательность этого типа книжных изданий. Не случайно в последние годы словарная форма оказывается чрезвычайно востребованной при интерпретации различных явлений современного мира.

Интерес к словарям и энциклопедиям связывается с технологизацией мировосприятия людей XXI века [15; 19]. «Человек познающий таков, каким его делает персональная, социальная, культурная память. Энциклопедия, как бабочка, вырывается из плотного слоя универсального знания, являясь вариантом и основой для его персонификации. Воспоминания есть способ самоидентификации, и энциклопедия заботливо помогает читателю в этом»¹. М. Кронгауз, оценивая современный лексикографический бум, с иронией отмечает: «Раз мир лучше познается через отдельные слова и выражения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). Вот и появляются пространственные высказывания, в том числе и художественные, о литературе, о политике, просто о жизни “под видом словаря”. Тенденция, если уж говорить о тенденции, состоит в том, чтобы “говорить (или, точнее, писать) целыми словарями”. И поверьте моему лингвистическому опыту, высказывание в виде словаря гораздо убедительнее высказывания в виде кроссворда» [6, с. 211].

Весьма показателен в этом отношении «Словарь русской ментальности», представляющий широкий круг концептов, воплощенных в текстах русской словесности². «Временами кажется, что слова таинственно помнят все произносившие их уста и расцветают или стареют от того, в каких контекстах им пришлось побывать. Да ведь и каждый из нас в разное время не только жизни, а и дня “одевается” политиком, религиозным человеком, созерцателем, расточителем и скрягой, мечтателем и

¹ Безрогов В. Г. Энциклопедия как форма памяти (к появлению энциклопедии нового типа) // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 214.

² Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. в 2 т. – СПб.: Златоуст, 2014.

скептиком и одни и те же слова поворачиваются с нами и к нам в разные часы дня разной стороной. <...> Это прекрасное двухтомное зеркало отражает нас, как есть, – умными, глупыми, грешными, святыми, искренними, лживыми, простосердечными, лицемерными – неисчерпаемыми, как Россия. И тут, как в жизни, тоже могут следовать друг другу в затылок далеко отстоящие в обиходе слова: “дьявол” и “дядя”, “жалость” и “жалованье”, “обет” и “обжорство”»³.

Междисциплинарные отечественные и зарубежные исследования фиксируют существенные изменения информационного поля, в котором существует современный человек в последние два-три десятилетия [1; 17]. Так, книга британского исследователя Т. Бредехофта «Видимый текст: Продуцирование и репродуцирование текста от “Беовульфа” до “Мауса”» [14] посвящена нестандартному восприятию текстов различной природы в условиях современных вызовов культуре. Философ М. Маклюэн пишет, что «общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в “электронное общество” или “глобальную деревню” и задает, посредством электронных средств коммуникации, многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры» [9, с. 212]. Гипертекстовость словаря, таким образом, оказывается соразмерной особенностям мышления современного человека [16]. Профессор Дюкского университета Н. Кэтрин Хэйлс анализируя взаимоотношения «электронной литературы»

с литературой «традиционной», с компьютерными науками и даже с науками о человеке, отмечает, что само человеческое мышление подверглось ощутимым изменениям под воздействием языков программирования, компьютеров, Интернета и связанных с ними способов представления и передачи информации.

В связи с этим особую остроту приобретает сегодня проблема чтения [1–2; 12]. Переизбыток информации (инволюция, по определению М. Эпштейна), которое ежедневно ощущает современный человек, он пытается снять ее сжатием. «Инволюция означает свертывание и одновременно усложнение. То, что человечество приобретает в ходе исторического развития, одновременно сворачивается в формах культурной скорописи» [13, с. 43]. Словари и энциклопедии в разных их видах представляют такую «культурную скоропись». Отметим попутно, что общность жанровых примет словаря и энциклопедии соотносится с признанным сегодня в лингвистике отказом от жесткого разграничения этих двух типов лексикографических изданий.

И. А. Зайковская в своем диссертационном исследовании показала значимость обыденных представлений о словаре для развития популярной лексикографии [3] и актуальность словарной формы для современной журналистики [4]. В данной статье мы обратимся к словарной форме в литературе последних лет и месту словаря (или часто квазисловаря) в жанровых поисках современных авторов.

В современных исследованиях, посвященных генезису жанровых форм, жанровым трансформациям в современной прозе [7–8],

³ Курбатов В. Это мы: О словаре русской ментальности. URL.: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=329 (дата обращения 29.07.2016).

отмечается многообразие эстетических экспериментов, затрагивающих самые основы жанрового мышления, изменение жанрового репертуара, осуществляемого в двух направлениях: минимализация, сужение семантического поля, свертывание, редукция, с одной стороны, и гибридизация, расширение границ, скрещивание с другими жанрами, с другой стороны [10].

Ю. Щербинина, оценивая поиски литературы последних лет и ее взаимоотношения с читателем, приходит к мысли о том, что проза XXI века оказалась в положении незавидном и невыигрышном: «Читатель новейшей формации получил максимум культурных прав при минимуме личной ответственности, а также мощный технологический инструментарий: поисковые интернет-системы, электронные словари, программы автоматической проверки грамотности, “антиплагиат” и, разумеется, ее величество “Википедию”. Отчасти поэтому все больше интереса к документальной литературе, формату нон-фикш и меньше – к художественной прозе. Сегодня читатель входит в книгу как на минное поле либо как в квест⁴». Словарь, не требующий линейного чтения, провоцирующий «перелистывание», отвечает читательским ожиданиям нашего современника [16; 18]. Показательно, что сегодня и дети дошкольного и младшего школьного возраста нередко предпочитают энциклопедию традиционным жанрам детской литературы – сказкам, стихам, рассказам.

Разорванность, дискретность сознания современного читателя с характерным для

него клиповым восприятием требуют новых жанровых форм искусства. Современная литература демонстрирует разнообразные жанровые сдвиги, скрещения и синкретичные формы, отражающие своеобразные и причудливые взаимоотношения с повседневностью. Словарь, в силу отмеченных выше свойств, адекватный запросам читателя, в приложении к современной литературе может восприниматься как особая жанровая матрица, для которой характерны организованность, динамичность, устойчивость. При этом структурная четкость такой матрицы оставляет простор для проявления личности.

Неотъемлемым признаком словаря в обыденном сознании является алфавитный порядок его организации, поэтому слова *азбука* и *алфавит* органично вписываются в ассоциативное поле лексемы *словарь*. «В восприятии большинства представителей современной западной культуры алфавит является самым удобным и приоритетным способом структурирования информации – настолько удобным, что вопрос об альтернативных методиках сегрегации знания часто заводит в тупик и претендует на опрокидывание самих эпистемологических основ современного западного бытия. Алфавит удобен, понятен, он с самого детства человека интегрирован в сознание, накрепко спаян с концептом порядка и увязан с вещами – вспомним детскую иллюстрированную азбуку, на которой представлены образы для памяти (предметы являются мнемоническими знаками букв)»⁵. Алфавитный по-

⁴ Щербинина Ю. Литература как аптека. Заметки о библиотерапии // Октябрь. – 2016. – № 2. URL:<http://magazines.russ.ru/october/2016/2/literatura-kak-apteka.html> (дата обращения 05. 03.2016).

⁵ Голубков А.П. Словарь как метод энциклопедии: к вопросу о легитимности использования алфавита при

классификации вещей. Словарь как медиатор культурного процесса. Материалы Круглого стола «Словари и Энциклопедии: эксперимент и традиция» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН) URL:<http://www.intelros.ru/read-room/kulturologicheskij-zhurnal/kul2-2014/25091-slovar-kak-mediator-kulturnogo-processa-materialy->

рядок, как будто чисто формальный, оказывается важным и для творческой лаборатории писателя. Об этом с известной долей иронии пишет О. Зайончковский в своем новом романе «Тимошина проза»: «Итак, этот первый осенний день весь посвящался прозе. <...> Тимоша отнюдь не считал себя человеком, посторонним литературе. Несколько лет у него в компьютере существовала папка под заглавием “Азбука”. В ней лежало еще тридцать папок, обозначенных от “А” до “Я” буквами алфавита. Это не было картотекой – в папках хранилась Тимошина проза. Он регулярно преумножал ее, добавляя тексты то в одну, то в другую папку. В каждом Тимошином тексте присутствовало ключевое слово. На какую оно было букву, в ту папку и помещался текст. <...> Это были не связанные между собой прозаические миниатюры, плод свободного вдохновения. Если в мозгу возникало ключевое слово, Тимоша творил на одном дыхании»⁶.

Таким образом, имманентные свойства словаря обуславливают актуализацию словарной формы в современной литературе (вспомним ставший классическим «Хазарский словарь» М. Павича). Достаточно перечислить ряд изданий последних лет, с большей или меньшей последовательностью использующих форму словаря (В. Новиков «Словарь модных слов. Языковая картина современности», М. Вишневецкая «Словарь перемен. 2014», Катя Метелица «Азбука жизни», Ю. Рытхэу «Дорожный лексикон», Макс Фрай «Азбука современного искусства», Э. Берту, С. Элдеркин «Книга как лекарство. Скорая литературная помощь от А до Я» и др.), чтобы убедиться в устойчивости примет жанра.

Рассматривая современные дискурсивные практики, М. Эпштейн выделяет два их типа – нарратив и тезаурус, а среди личностей, создающих или воспринимающих текст, нарративные и тезаурусные. «В нашем мире преобладают рассказчики историй, а словарям и энциклопедиям отведена пассивная роль обобщения этих историй, суммирования всех слов и значений, в них промелькнувших. Но может быть, некоторые люди мыслят и чувствуют не событийно, а именно словарно, суммарно: глубоко вчувствуются и вдумываются в сущность войны, в смысл любовных переживаний? <...> Сознание имеет свой словарь, свой тезаурус, который охватывает все содержание жизни не во временной последовательности, а как предстоящее мне здесь и сейчас, во всем объеме памятного мне бытия»⁷. Предпочтения тезаурусных личностей находятся, прежде всего, в сфере нон-фикшн.

Остановимся на нескольких произведениях последнего времени, по-разному актуализирующих особенности словарной формы. К игровым потенциям языка обращена «Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия» петербургского поэта, драматурга, переводчика Н. М. Голя. В названии трансформируется прецедентная номинация «Жизнь замечательных людей», а также актуализируются привлекательные для потенциального читателя лексемы – *беллетристика*, *этимология* и *энциклопедия*. «Он ни бэ, ни мэ», – говорят о человеке, который ничего не смыслит в каком-нибудь вопросе. Это и ребенку известно. А вот для того, чтобы как следует постичь название “Беллетризованная Этимологическая Малая Энциклопедия” – сокращенно “БЭМЭ” – придется

kruglogo-stola-slovari-i-enciklopedii-eksperiment-i-tradiciya-v-institute-mirovoy-literatury-im-am-gorkogolimli-ran.html (дата обращения 05. 02.2016).

⁶ Зайончковский О. Тимошина проза. – М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 288 с.

⁷ Эпштейн М. “Жизнь – это история, рассказанная идолом, наполненная шумом и яростью...” // Звезда. – 2015. – № 9. URL.:<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/9> (дата обращения 29.07.2016).

немного посообразать», – так автор предлагает своим читателям путешествие по своеобразному лингвистическому путеводителю⁸. «Свои среди чужих, чужие среди своих», «географические слова», «люди, ставшие словами», «слова-обманщики», «день рождения слова» и др. – вот несколько маршрутов, предложенных Н. Голем. Энциклопедия становится не только территорией открытий, но и местом для игры, в том числе лингвистической. Показательна миниатюра «Тайна языка», в которой обыгрываются многозначность слова и его фразеологический потенциал:

*Солдаты взяли в лесу языка.
Спрашивают:*

*– Ты из каких языков будешь?
А тот молчит, от неожиданности
языка лишился.*

Солдаты не отстают:

*– Расскажи о
местонахождении свой части,
русским языком тебя просим!
А язык обнаглед, да еще и язык
показывает.*

*– Ах, так?! – взяли солдаты
его в оборот, чтобы язык языку
развязать. А он и язык наружу.*

Так и не нашли общего языка.

Писатель О. Сивун в романе «Бренд»⁹ использует жанр словаря для отражения мифов массового сознания современного молодого человека. Подготовленные к варианту «С» Единого государственного экзамена по литературе, читатели почувствуют своего в авторе, составившем «поп-арт роман» из 26 глав (по количеству букв латинской азбуки), в

котором каждая буква проиллюстрирована брендом (из числа всемирно известных). Инфантильный и наивный герой-повествователь Сивуна исходит из того, что сегодняшний мир – это некая комбинация брендов: кукла Barbie, Coca-Cola, Ford, Google, IKEA, Kodak, Lufthansa и др. Мир этот – не только повседневное окружение автора, но и своеобразный информационный код, позволяющий ориентироваться в современной действительности. Текст романа – нечто вроде развернутого инвентарного списка современных брендов, помогающего осуществить краткое путешествие в мир потребительских иллюзий, в страну звучных коммерческих имен.

Интересна жанровая стратегия петербургского писателя А. Етоева, для которого жанр энциклопедии, использованный в его книге «Книгоедство», стал площадкой для эксперимента. «Мое “Книгоедство” – художественное произведение, написанное в жанре энциклопедии, и именно так его и нужно воспринимать. Поэтому, кроме чисто книжных статей (или главок, кому как нравится), я включил сюда и маленькие рассказы, замаскированные под заметки об авторах или книгах (“Веллер”, “Выбор катастроф” Азимова), и записи о некоторых вещах, вроде бы с литературой не связанных (“География”, “Конный цирк”), и литературные “факты”, основанные на фантастических допущениях (“Пушкин”). И всех их объединил *собой*», – признается автор¹⁰.

Не подлежит сомнению особая значимость словарей и энциклопедий для детей и подростков. Выше уже была отмечена

⁸ Голь Н. Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия. – СПб: Детгиз, 2015. С.9.

⁹ Сивун О. Бренд: поп-арт роман // Новый мир. – 2008. – №10.

¹⁰ Етоев А. Экстремальное книгоедство: книга-мишень. – М.: Эксмо, 2009. – С. 509.

«настроенность» сознания молодого поколения на дискретное восприятие информации, представляемое словарями, на возможность свободного выбора микротем и легкость перехода от одной темы к другой. Ярким примером реализации словарной формы в современной литературе для подростков может служить книга «Азбучные истины», составленная писателем и переводчиком Марией Голованивской¹¹. В книге собраны мнения тридцати трех авторитетных авторов о тридцати трех различных философско-этических понятиях (например, «вечность» и «гнев», «малодушие» и «свобода», «честь» и «эгоизм», «хитрость» и «искренность»). Каждое из понятий соответствует одной из букв русского алфавита. Как неоднократно отмечалось и психологами, и социологами, и лингвистами, в общественном дискурсе происходит заметное «вымывание» этических концептов, что явилось одним из следствий социальных изменений, происшедших в России с начала 1990-х гг. Авторы книги пытаются восстановить лакуны в лексиконе, что представляется чрезвычайно важным для воспитания современного читателя.

М. Голованивская настаивает на том, что «Азбучные истины» – это не только книга для думающих подростков, которые хотят разобраться, что такое, к примеру, искренность, зло, жалость или совесть, но и документ эпохи. По словам составителя, книга «полна экзистенциального гула, понятийного шума, роения мыслей, которыми наполнены головы зрелого поколения, чьей частью являются и лучшие перья века»¹². «Добро» в трактовке А. Битова, «Зло» в интерпретации Л. Петрушевской, «Покой» Б. Гребенщикова, «Честь» Б. Акунина, «Малодушие» С. Шаргунова, «Фантазия» А. Иличевского, «Одиночество» С. Гандлевского и т. д. заставляют задуматься

не только о выборе единиц описания для этого своеобразного словаря, но и о выборе писателей или филологов, которые их разъясняют. Авторы, принадлежащие к разным поколениям и существенно различающиеся по своим ценностным установкам, пытаются выделить самые существенные признаки описываемых концептов. «Азбучные истины» – это сборник эссе, которые можно читать в любом порядке. При безусловной свободе в построении текста, авторы стремятся сохранить признаки словарной статьи. В начале каждого текста дается дефиниция, часто представляющая фрагменты словарных статей авторитетных словарей. Так, Т. Москвина, строя словарную статью «Совесть», почти дословно использует характеристику В. И. Даля: «Совесть – это внутренний судья, врожденное представление о добре и зле». Ср. также: «Честь – сумма личных представлений человека о достойном поведении» (Б. Акунин); «Зло – все самое плохое, что существует, невидимая сила, которая толкает человека на плохие поступки» (Л. Петрушевская); «Эгоизм – это сосредоточие исключительно на своих желаниях и интересах, пренебрежение интересами других людей» (М. Палей) и др.

Конечно, в приведенных текстах словарная форма является лишь каркасом, оставляя место не только для полифоничности взглядов, но и для стилистической многоголосицы. Ср.: «Отобрать честь насильно ни у кого нельзя чести можно только лишиться, если ты перестал следовать ее законам» (Б. Акунин); «Ясность – удивительное слово. И у него хорошая словесная родня. Все церковнославянские, праславянские, санскритские, украинские, сербские, польские слова, связанные с нашей «ясностью», обозначают или простоту,

¹¹ Азбучные истины (сост. М. Голованивская). – М.: Clever, 2016. – 144 с.

¹² Там же. С. 4.

или свет, или блистающую роскошь, или просеку в темном лесу» (А. Архангельский); «Жило-было Зло. Оно было не мальчик и не девочка, не камень и не пропасть, не гадюка и не крокодил. Даже очертить его никто бы не мог – тут оно есть, а тут его нет» (Л. Петрушевская).

Французский литературовед П. Байяр в работе «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» отмечает, что чтение текста практически всегда носит выборочный характер. Даже прочитанный текст мы реально знаем, а тем более помним спустя какое-то время лишь частично, фрагментарно. Фактически вместо прочитанных или непрочитанных книг у нас бывают книги неизвестные, пролистанные, «которых я слышал» «которые я забыл». Такие полужнакомые, принадлежащие всем и никому в отдельности тексты образуют «внутреннюю библиотеку» – «группу

книг, которые являются для человека основополагающими и определяют его отношение к другим текстам, – это его собственный отдельчик в коллективной библиотеке, которая объединяет нас всех. Во внутренней библиотеке, конечно, фигурируют некоторые конкретные названия, но в основном она, подобно библиотеке Монтеня, состоит из фрагментов тех забытых или выдуманных книг, через которые мы постигаем этот мир» [1, с. 81]. Словарь оказывается идеальным форматом подобной «внутренней библиотеки».

В заключение еще раз отметим, что словарная форма, используемая в современной литературе, отвечает нескольким тенденциям: общей тенденции актуализации филологической составляющей [11]; стирание жестких граней между литературой фикшн и нон-фикшн; движение современной литературы для взрослых и детской литературы «навстречу» друг другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Байяр П.** Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали. – М.: Текст, 2014. – 190 с.
2. **Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н.** Чтение и класс читателей в XXI веке // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 102. – С. 271–267.
3. **Зайковская И. А.** «Игра в словарь» как феномен современной публицистики // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. 21. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – С. 187–192.
4. **Зайковская И. А.** Особенности реализации текстовых категорий в печатном и электронном словаре // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. – 2011. – № 130. – С. 151–155.
5. **Караулов Ю. Н.** Словарь и человек // Теория языка и словари. – Кишинев: Штиинца, 1988. – С. 5–9.
6. **Кронгауз М.** Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить // Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, Языки славянских культур, 2007. – С. 163–177.
7. **Лейдерман Н. Л.** Теория жанра. Исследования и разборы. – Екатеринбург: Словесник, 2010. – 904 с.
8. **Липовецкий М.** Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х гг. – М.: НЛО, 2008 – 848 с.
9. **Маклюэн М.** Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.

10. **Маркова Т. Н.** Жанровые номинации в русской прозе 2000-х гг. // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: коллективная монография; под общ. ред. Т. Н. Марковой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 238–249.
11. **Черняк В. Д.** Романы с языком: на перекрестке жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. памяти К. Ф. Седова. – 2012. – Вып. 8. – С. 282–288.
12. **Чтение.** XXI век. Коллективная монография. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. – 472 с.
13. **Эпштейн М.** Постмодерн в России: литература и теория. – М.: ЛИА Р. Элинна, 2000. – 368 с.
14. **Bredenhof T. A.** The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 182 p.
15. **Carr M.** Internet dictionaries and lexicography // International Journal of Lexicography. – 1997. – № 10 (3). – P. 209–221.
16. **Conclin J.** Hypertext: an introduction and survey // IEEE Computer. – 1987. – № 21 (9). – P. 17–41.
17. **Griswold W., Wright N.** Wired and well read // Society Online: The Internet in Context / Ed. P. N. Howard, S. Jones. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. – P. 203–222.
18. **Hayles N. K.** Electronic Literature: New Horizons for the Literary. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008. – 226 p.
19. **Schryver G.-M de.** Lexicographer’s dreams in the electronic-dictionary age // International Journal of Lexicography. – 2003. – Vol. 16, No. 2. – P. 143–199.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.11)

Valentina Danilovna Chernyak, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

E-mail: vdcher@yandex.ru

Maria Alexandrovna Chernyak, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6214-0437>

E-mail: ma-cher@yandex.ru

THE CULTURAL POTENTIAL OF DICTIONARIES AND SEARCH FOR THE GENRE IN CONTEMPORARY LITERATURE

Abstract

The article investigates the properties of dictionaries and other reference books that are relevant for everyday awareness and sought-after by contemporary literature. Dictionaries and their genre variations (encyclopedias, handbooks, thesauri) become the focal point of and give an impetus to human creativity. Alphabetical order as the crucial characteristic of the dictionary form is utilized by modern authors to develop new genre forms. Written works exploiting the dictionary form may be described in terms of deliberate hypertextuality that is pertinent to the mindset of a contemporary person and meets readers' expectations. Dictionaries can be seen as a genre matrix whose properties include strict order, dynamic nature and stability, or as a structure allowing room for creative developments.

The article deals with the examples of Russian contemporary literature (a novel, a collection of essays, a novelized encyclopedia) that employ the dictionary form. Most commonly, such example include non-fiction, contain elements of mixing genres, gamification, different forms of linguistic reflection, deliberately mimic the academic style, and are often targeted at children.

Keywords

Contemporary literature, dictionary, dictionary form, alphabetical order, hypertextuality, genre, non-fiction.

REFERENCES

1. Bayard P. How to Talk About Books You Haven't Read. Moscow, Text Publ., 2014, 190 p. (In Russian).
2. Griswold B., McDonnell T, Wright N. Reading and the reading class in the 21st century. *Modern Literary Review*. 2012, no. 102, pp. 271–267 (In Russian).
3. Zaykovskaya I. A. "Playing dictionary": A specific phenomenon of modern journalism. *Russian Philology. The Almanac of Young Philologists' Works*, 21. Tartu, : Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2010, pp. 187–192 (In Russian).
4. Zaykovskaya I. A. Specificities of textual categories in paper and electronic dictionaries. *Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University*. 2011, no. 130, pp. 151–155 (In Russian).

5. Karaulov Yu. N. Dictionary and Human. *The Theory of Language and Dictionaries*. Chisinau, Shtinitsca Publ., 1988, pp. 5–9. (In Russian)
6. Krongauz M. Lexicographic Neurosis or Dictionary as Means of Conversation. Krongauz M. *Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown*. Moscow, Znak Publ., Languages of Slavic Cultures Publ., 2007, pp. 163–177 (In Russian)
7. Leiderman N. L. *Genre theory. Research and analysis*. Yekaterinburg, Slovesnik Publ., 2010, 904 p. (In Russian)
8. Lipovetskij M. Paralogies: Transformations of the (post)modern discourse in the Russian culture in 1920–2000. Moscow, New Literary Observer Publ., 2008, p. 848 (In Russian)
9. Macluan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow, Academic Project Publ., 2005, 496 p. (In Russian)
10. Markova T. N. Genre labeling in Russian prose in 2000s. Ed. Markova T. N. *Genre transformations in literature and folklore*. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ., 2012, pp. 238–249 (In Russian)
11. Chernyak V. D. Romanticizing Language: at the Genre Crossroads. *Speech Genres: Almanac of Scientific Articles dedic. K. F. Sedov*. 2012, issue 8, pp. 282–288 (In Russian)
12. *Reading, XXI century*. A collective monograph. Moscow, Intraregional center of library cooperation Publ., 2015, 472 p. (In Russian)
13. Epstein M. *Postmodernism in Russia: Literature and Theory*. Moscow, Lia R. Elinna Publ., 2000, 368 p. (In Russian)
14. Bredehoft T. A. *The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2014, 182 p.
15. Carr M. Internet dictionaries and lexicography. *International Journal of Lexicography*. 1997, no. 10 (3), pp. 209–221.
16. Conclin J. Hypertext: an introduction and survey. *IEEE Computer*. 1987, no. 21 (9), pp. 17–41
17. Griswold W., Wright N. Wired and well read. *Society Online: The Internet in Context*. Ed. P. N. Howard, S. Jones. Thousand Oaks, CA, Sage Publ., 2004, pp. 203–222.
18. Hayles N. K. *Electronic Literature: New Horizons for the Literary*. Notre Dame, University of Notre Dame Press Publ., 2008, 226 p.
19. Schryver G.-M de. Lexicographer’s dreams in the electronic-dictionary age. *International Journal of Lexicography*. 2003, vol. 16, no. 2, pp. 143–199.